

Бренна Йованофф

Бренна Йованофф

Между
Небом и Адом

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое)-44
И75

Brenna Yovanoff
THE SPACE BETWEEN

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Greenhouse Literary Agency Limited и Rights People, London

Оформление обложки Екатерины Климовой

Йованофф Бренна

И75 Между небом и адом / Б. Йованофф; пер. с англ. В. Максимовой. — Москва: Издательство АСТ, 2015. — 416 с. —
(О чем молчат ангелы)

ISBN 978-5-17-093147-7

В Пандемонии время не движется. В Пандемонии — только металл и огонь. Пандемоний — это город в аду. Здесь живет Дафна — дочь Лилит, первой жены Адама, и падшего ангела. Она коллекционирует безделушки с Земли и думает о своем будущем. Кем она станет — демоном, пожирающим мужчин, — как ее сестры? Или пойдет по стопам брата Оби, который спасает на Земле потерянные души?

Но внезапно Оби пропадает без вести, и Дафна отправляется на его поиски туда, где никогда раньше не была, — в наш мир. Труман, которого Оби спас от гибели, становится ее проводником. С его помощью Дафна открывает для себя земной мир и узнает, что значит любить и быть человеком в мире, где быть человеком труднее всего.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7 Сое) 44

ISBN 978-5-17-093147-7

Copyright © Brenna Yovanoff, 2011
© В. Максимова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2015

*Эта книга посвящается моей семье —
всем вам и каждому в отдельности*

ЧАСТЬ I

АД

ПРОЛОГ

Однажды моя мать сказала целому сонму ангелов, что лучше умрет, чем вернется к мужчине, которого не любит.

Это было очень давно, до голода, войн и изобретения двигателей внутреннего сгорания. До того, как мой отец сбился с пути истинного и, низвергнутый, погубил тысячи божественных посланников. Тогда моя мать была молода и необузданна. У нее была другая жизнь.

* * *

Бог создал Адама из праха и наделил душой и сердцем — таков был первый человек. И был сад, населенный животными, и Адам жил там один.

Но человеку нехорошо быть одному, поэтому Бог создал Лилит. И это была первая ошибка. Лилит пришла к Адаму по лугу, усеянному цветами, и он воспыла к ней любовью.

Но она не полюбила его.

Адам не видел в ней тьмы. Он был молод и думал, что Лилит еще изменится. Мой отец говорит, что молодости свойственно заблуждаться, но я все равно считаю, что Адам должен был догадаться. Понять по ее глазам, увидеть правду по обкусанным ногтям. Должен был знать, что нельзя изменить девушку с железными зубами.

Они жили вместе в Саду, и Адам был счастлив. Но Лилит была создана для более бурной жизни. Когда Адам пытался ее укротить, она давала отпор. Лилит была не из тех, кому можно приказывать, как себя вести и что делать. Когда она ушла, то сделала это совершенно спокойно. Просто встала и ушла. Ей понравились дикие просторы, лежавшие за пределами Сада, и она осталась там, чтобы целыми ночами носиться по черному берегу вдоль моря, похожего на полированное стекло.

Ей было незачем возвращаться к Адаму. Она не скучала по нему. Она думала, что может забыть время, когда они были вместе, но она ошибалась.

Мой брат родился на ложе из черных камней, под кроваво-красной луной. Наша мать дала ему имя Обрин — имя тайны на языке, который знала только она. Обрин был во всем похож на Лилит, такой же сероглазый и с блестящими черными волосами, однако он умел смеяться и улыбался своей матери. Лилит знала, что не создана растить дитя, поэтому она решила вернуться и показать Адаму сына, который улыбался его улыбкой.

Но в Саду все изменилось. Адам сидел под незнако-

мым раскидистым деревом, а рядом с ним была незнакомая женщина, тяжелая и грузная, созданная из плоти самого Адама — чтобы она никогда не могла встать и уйти.

Когда Лилит показала Адаму дитя, лежавшее у нее на руках, он лишь мельком взглянул на него и отвернулся. Сказал, что они оба ему не нужны. Его ребенок ему не нужен.

Когда Лилит уходила, она была холодна и бесчувственна. Теперь же она вся дрожала, разъяренная тем, что мужчина отказался от своего сына. Она плюнула Адаму в лицо и прокляла тот день, когда увидела его. Прокляла день своего рождения.

Потом она взяла Оби и ушла, растворившись во мраке.

* * *

Там, во мраке, она встретила моего отца.

1

САД

Я смотрю «На север через северо-запад», но вдруг изображение на экране неожиданно пропадает. В самый разгар напряженной сцены — как раз когда Торнхилла преследует самолет. Звук резко выключается, а Кэри Грант распадается на множество черных точек.

Потом на экране проступает тусклый и безликий силуэт моей матери. Ее голос доносится откуда-то издали, приглушенный треском помех.

— Немедленно поднимись сюда.

Она исчезает прежде, чем я успеваю ответить, но фильм не возобновляется. Я знаю, что нужно встать и пойти узнать, что ей от меня нужно, но продолжаю сидеть, пусть всего секунду.

* * *

У нас в Аду мы рассказываем истории, используя поверхности предметов. Наши истории куются из металла, выбива-

ются на колоннах и пьедесталах, вколачиваются в мощные улицы. Высокая Башня, в которой я живу всю свою жизнь, есть не что иное, как прославление деяний моей семьи.

Ступени, ведущие на крышу, отполированы до ослепительного блеска и покрыты высеченными изображениями павшей армии. Поднявшись наверх, я распахиваю маленькую калитку и выхожу в огороженный стенами двор. Это сад Лилит — заросли серебряных цветов и металлических лоз. Когда-то его сделал для нее мой отец. Сплошь ручная работа, от первой веточки до последнего листика.

Мать сидит спиной ко мне на филигранной скамье, рядом с женщиной, но это не Люцифер. Волосы Лилит, свободные от гребней, длинным черным плащом падают по ее плечам. На ней длинное платье, алое, как тлеющие угли, и полностью открытое на спине. Кожа у нее ослепительно-белая.

— Проходи, — велит она, не глядя в мою сторону. — Не топчись!

Ее кавалер косится на меня и встает. На нем ботинки с тяжелыми каблуками, украшенными резными изображениями крокодилов, они гремят, как колокола, по черепичной крыше.

— Смотрите, кто пришел! — говорит он, обнажая в широкой улыбке серые, заостренные на концах зубы. Сразу понятно, что он не знает, как меня зовут.

— Дафна, — произносит моя мать с таким вздохом, будто это слово несет в себе страшную тяжесть. Как буд-

то в двух слогах может заключаться настоящая трагедия. Потом она поворачивается к своему последнему поклоннику. Она не утруждает себя словами, просто поднимает руку — и он понимает, что пора уходить.

Когда мы остаемся наедине, мать жестом велит мне сесть. Скамейка маленькая, мы сидит бок о бок, в уютной близости.

— Полагаю, тебе стоит проводить больше времени со своими сестрами, — сообщает Лилит таким сухим и небрежным тоном, как будто информирует меня о том, что дым поднимается вверх.

Ее слова застают меня врасплох, поэтому я не спешу с ответом.

Лилит говорит «с сестрами», но на самом деле имеет в виду сестричек Лилим. Она говорит «больше времени», как будто не знает, что я с ними вообще не общаюсь. Возможно, внешне Лилим похожи на меня, но их отцами были младшие демоны, вроде того, которого только что без слов отослали прочь.

— Зачем? — спрашиваю я, пытаюсь подражать безразличному тону моей матери. — У нас нет ничего общего.

— Еще как есть, — отвечает она, не глядя на меня.

Лилит смотрит в свой сверкающий сад. Глаза у нее серебристо-серые, светлые и равнодушные. Сходство наших лиц никто не назовет поверхностным, только у меня глаза темные, как у отца.

Я не перечисляю всего, чем отличаюсь от сестер и что было бы очевидно матери, дай она себе труд присмо-

треться. Например, ногти у меня гладкие и прозрачные, а еще я умею разговаривать не только о том, как здорово рыскать по Земле, соблазняя людей губить себя даром.

— Откуда ты знаешь, какая я?

— Улыбнись, — приказывает Лилит, как будто это что-то доказывает.

Я не улыбаюсь. Зубы — самая яркая черта моей внешности, но моя мать этого не видит. У меня полный рот блестящих зубов, ровных и ослепительно-белых, как у моего отца, но Лилит интересуют только недостатки — металлические зубцы на двух боковых клыках, которые доказывают наше родство красноречивее, чем черные волосы и бледная кожа.

— Дурная кровь свое возьмет, — говорит мать таким тоном, словно я только что проиллюстрировала ее довод. Она смотрит на меня с торжеством. Так, словно дурная кровь — это единственная кровь, которая имеет значение.

Отношения моих родителей ничем не напоминают разрушающийся брак, каким его показывают в кино. Никакого швыряния посуды, никаких слез или ссор, только бесконечная вереница любовников Лилит и тысячи способов, при помощи которых она может терзать моего отца, не покидая своего металлического сада на крыше. Если я начну как привязанная ходить за сестричками Лилим, список этих способов станет на один пункт длиннее. Возможно, мой отец совершенно не интересу-